

КАВКАЗЪ.

1853.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Тифлисъ: въ Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго и въ Тифлисской Почтовой Конторѣ. Въ С. Петербургѣ: въ Газетной Экспедиціи С.-Петербург. Почтамта, въ книжныхъ магазинахъ В. А. и Я. А. Исаковыхъ, г. Крашенинникова, и С. П. Лоскутова. Въ Москвѣ: въ Газетн. Экспедиціи Московск. Почтамта. Подписываться также можно и во всѣхъ Губернскихъ Почт. Конторахъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Годовое изданіе съ пересылкою . . . 3 р. 30 к.
Полугодовое 4 . 30 к.
Газета печатается съ платою за каждую букву по 1/4 коп. сер. со всѣхъ объявленій безъ всякаго исключенія.

Его Императорское Величество соизволило отдать слѣдующіе приказы:

Въ присутствіи Своемъ въ С.-Петербургѣ.

Декабря 25-го дня 1852 года. Переводится: Гренадерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича полка, Полковникъ **МАРКОВЪ** 6-й, въ Дивровскій Пехотный полкъ.

Декабря 24-го дня. Переводится. По Пѣхотѣ, Дагестанскаго, 6-го резервнаго баталіона, Поручикъ **СТАХОВСКІЙ**, во 2 й Московскій Кадетскій Корпусъ. Увольняются отъ службы, по домашнимъ обстоятельствамъ. 3-хъ Резервныхъ баталіоновъ, полковъ: Аншеронскаго Пѣхотнаго, Подпоручикъ **УСЛЕНСКІЙ**, Поручикомъ. Егерскихъ: Кубанскаго, Прапорщикъ **ЕРМОЛОВЪ**, Подпоручикомъ. Генераль-Адъютанта Князя Воронцова. Поручикъ **ТАНЬСКІЙ**, Штабъ-Капитаномъ и съ мундиромъ.

Членъ Совета Главнаго Управленія Закавказскаго края, почетель кавказскаго учебнаго округа, камергеръ двора Его Императорскаго Величества статскій советникъ Баронъ **НИКОЛАИ**, по заведѣтельствуванію Намѣстника Кавказскаго объ отлично-усердной

службѣ Всемилоуивѣйше произведенъ въ действительные статскіе советники.

Высочайшимъ приказомъ, отданнымъ по гражданскому ведомству 18-го декабря 1852 года за № 255, определены въ службу: канцелярскій дерптскаго университета **ХАТИСЛАНЪ** въ канцелярію намѣстника сверхштата, съ чиномъ коллежскаго секретаря съ 3 Іюня 1852 г. и действительный студентъ московскаго университета **ШАДИНОВЪ** въ канцелярію совета главнаго управленія закавказскаго края, сверхштата, съ чиномъ губернскаго секретаря съ 11 ноября 1852 года.

ТИФЛИСЪ.

Января 12-го дня, Его Светлость Князь Намѣстникъ Кавказскій изволило отдать слѣдующій приказъ по Отдельному Кавказскому Корпусу:

Флигель-Адъютантъ Полковникъ Баронъ Николаи, извѣстятъ по сигнальнымъ выстрѣламъ съ Ямансинской башни о появленіи непріятеля, выскакалъ на тревогу съ одной сотней Донскаго казачьяго № 18-го полка, приказавъ въ

тоже время слѣдовать за собою двумя ротамъ Егерскаго Князя Чернышева полка съ двумя орудіями. Не найдя непріятеля у башни, онъ двинулся по направленію къ Баташъ-Юрту и въ 6-ти верстахъ настигъ партію въ числѣ до 400 человекъ.

Чеченцы, видя предъ собою горсть Русскихъ, полагали легко уничтожить ихъ, и потому тотчасъ повели атаку на казаковъ, но Баронъ Николаи успѣлъ уже занять возвышенность и двукратнымъ натискомъ отбросилъ непріятеля съ потерей. Горцы, по прибытіи пѣхоты, поспѣшили удалиться.

Съ нашей стороны ранено 7-мъ казаковъ.

Объявляя по войскамъ ввѣреннаго мнѣ Корпуса объ этомъ удачномъ дѣлѣ, гдѣ одна сотня съ такою стойкостью выдержала нападеніе въ шесть разъ превосходнаго непріятеля, мнѣ пріятно изъяснить мою благодарность Флигель-Адъютанту **Барону Николаи** за его мужество и распорядительность. Благодарю также всѣхъ гг. офицеровъ и нижнихъ чиновъ, бывшихъ въ дѣлѣ.

ФЕЛЬТОНЪ.

Преданіе о Шота-Руставели.

Я въ первый разъ узналъ объ этомъ пѣвцѣ парціи Тамары, объ авторѣ, извѣстной въ Грузіи, поэмѣ: *Венхисъ-ткаосани* — изъ книгъ, и не думалъ, что случится мнѣ услышать о немъ — отъ пастуховъ. Дѣло вотъ какъ было.

Я охотился въ окрестностяхъ *Пріюна*. Бродить по тамошнимъ лѣсамъ и балкамъ нужно не съ однимъ ружьемъ, надо вооружиться словно на бой. Предполагая имѣть дѣло съ трусливымъ зайцемъ или быстроногимъ джейраномъ — того и гляди, что встрѣтишь медвѣдя и испытаешь его тяжелыя ласки. День былъ славный для охоты: сѣрый, тихій, свѣжій осенній день. Деревья обнажались, въ лѣсахъ слышались тотъ шорохъ падающихъ листьевъ, тѣ неопредѣленные звуки — которыхъ такъ пугаются молодые джейраны, родившіеся раннимъ лѣтомъ. Изумленные этимъ новымъ для нихъ явленіемъ, испуганные, они съ какою-то тоскою въ глазахъ, съ жалобнымъ крикомъ, приближаются къ людскимъ жилищамъ, или натякаются на ружье охотника. Думалъ я не возвратиться безъ добычи домой, но счастье мое охотничье было плохое: промаялся цѣлый день въ лѣсу, не разрядивъ даже ружья. Уже вечерело, когда я набрелъ на пастуховъ, разозлившись огнемъ въ одной ложбинѣ и жарившихъ шамлыкъ. Не добывъ дичины — я очень радъ былъ барашкомъ, которою меня радушно угостили эти пастыри, смотрѣвшіе и почти одѣтые также патриархально, какъ пастыри библейскихъ временъ. Въ особенности одинъ изъ нихъ — съдой какъ

лунь, глядѣлъ такими прошедшими чѣками — что невольно брала охота говорить съ нимъ о прошедшемъ. Оказался онъ человѣкомъ бывалымъ, служилъ истопникомъ при дворѣ царя Ираклія и случалось ему не разъ подсаживать на коня царя Георгія, бывшаго, какъ извѣстно, человекомъ чрезвычайно тучнымъ. Растабаривая съ нимъ о разныхъ разностяхъ, я какъ-то упомянулъ о Тамарѣ. Старикъ важно сказалъ, что ее онъ не помнитъ, а что слышалъ объ ней отъ отца своего, а тотъ зналъ о великой парціи отъ дѣда, бывшаго при ней сокольничимъ. Хронологическая неясность въ словахъ моего пастыря — не помѣшала мнѣ спросить его: чтожь онъ слышалъ о Тамарѣ? Разсказалъ о ней старикъ слѣдующее:

Было это не здѣсь и не въ Тифлисъ, а *Казикъ*, въ большомъ замкѣ, что стоитъ на крутой горѣ, подле *Кара-агачъ*. Давала Тамара пирь великій. Три недѣли гости сзывали гостей, три дня охотники били дичь, и три дня жарились быки и бараны. Когда гости собрались, когда пировали они много — парца велѣла сазандарю, Шота-Руставели, читать стихи, басню одну, что перевелъ онъ, по ея велѣнію съ персидскаго языка. Шота-Руставели прочелъ сказку — много плакала парца и много плакали всѣ гости — такъ хороша была сказка. Тогда Тамара позволила сазандарю просить у себя награды, за то, что исполнилъ онъ ея волю — перевелъ такую славіую сказку. Попросилъ сазандаръ руки Тамары. Радостны были гости, но испугались всѣ — когда завила гнѣвомъ парца. Велѣла она ему выйти вонъ, взять лучшую ея лошада и скакать изъ замка безъ оглядки. Долго толковали шепотомъ смущенные гости. . . но отпустила ихъ парца — и прекратился пирь. Ска-

каль Руставели день пѣлый и ночью прискакала въ Тифлисъ, гдѣ былъ его домъ, а въ домѣ жила молодая жена. Но не радостная встрѣча ждала его. Тихо было въ домѣ, тихо онъ входилъ въ дарбазъ жены — и засталъ у нея невольника, арапа, котораго купилъ въ Константинополь, когда учился тамъ книжному дѣлу. Не понявъ Руставели наказанія Божьяго, за то что отъ живой жены — просилъ онъ руку Тамары, да еще такой святой парци! . . . созвалъ на другой день Руставели всѣхъ своихъ и женныхъ родственниковъ и много мокалаковъ разныхъ. Ждали они угощенія большаго, услышавъ въ кружокъ, но ставать на *супру* (скатерть) — мертвую голову арапа, и разсказываетъ имъ Руставели, о невярности жены и говоритъ, что ему сазандарю, пѣвцу, ужъ не приходится съ ней жить, что отдастъ онъ ее на судъ родственникамъ, а самъ пойдетъ въ земли далекія и никогда они о немъ не услышатъ. . . На память же о себѣ оставлялъ онъ книгу, что велѣла ему парца перевести съ персидскаго языка — и крѣпко просилъ онъ ихъ беречь ту книгу и передать ввукать, и сказать имъ, что былъ когда-то пѣвецъ, сазандаръ, что любилъ онъ слагать стихи, любилъ свою парцу, — да не сподобилъ его Богъ умереть на родной сторонѣ, что пошелъ онъ мыкать горе, въ земли далекія. . .

Пастухъ прибавилъ, что книга Шота-Руставели и до сихъ поръ есть въ Грузіи, что случилось ему разъ во дворцѣ Ираклія, проходившию дарбаза царевны, остановиться у двери и слышать какъ читали ее и учили на память царевны. . . На сколько есть правды въ этомъ разсказѣ, за что купленомъ за то преданномъ — я предоставляю судить читателямъ.

И. Са.

Из Делижана, отъ 10-го января, г. Элобинъ сообщаетъ намъ о землетрясеніи, бывшемъ тамъ въ день Св. Крещенія въ 44 м. 10 часа по полудни.

Было слышно три удара, — первый былъ очень незначителенъ, напротивъ того второй до того силенъ, что потряслись зданія и въ одной каменной сакль лопнула балка. Ударъ этотъ направлялся какъ бы съ Востока на Западъ и земля видимо дрожала. Третій ударъ былъ едва слышенъ. Известія о землетрясеніи, полученные изъ станціи Чубухлы, стоящей на берегу Гокчипскаго озера, верстахъ въ 20 отъ Делижана, заставили послать туда нарочнаго, который пробывъ тамъ двое сутокъ, рассказывалъ слѣдующее: 6-го числа, почти въ то же время какъ въ Делижанѣ, послѣдовалъ сильный ударъ землетрясенія и повторился семь разъ. Исиуганные жители чубухлинской деревни, бросивъ въ церковь и, не смотря на то, что одна стѣна ея разрушилась, не хотѣли оставить Божьяго дома до конца землетрясенія, которымъ между тѣмъ сильно повреждены двѣнадцать жилыхъ домовъ, а нѣкоторые совершенно разрушены, при чемъ однакоже не было убито ни одинъ человекъ. Землетрясеніе это было также слышно на островѣ Севанѣ, гдѣ находится мужской армянскій монастырь.

8 и 9 января въ Чубухлы тоже позднимъ вечеромъ было слышно землетрясеніе, но ужъ не столь сильное, какъ первое.

О холерѣ, бывшей въ Персіи и некоторыхъ мѣстахъ Закавказскаго Края.

Вслѣдствіе разнесшихся слуховъ не только здѣсь, но и во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, о существованіи у насъ холерной болѣзни въ сильной степени, долгомъ считаемъ, въ отвращеніе толковъ, могущихъ имѣть неблагопріятныя послѣдствія, представить здѣсь изложеніе о ходѣ холеры въ сопредѣльной намъ Персіи, равно какъ и о дѣйствіяхъ этой болѣзни въ тѣхъ мѣстахъ Закавказскаго Края, куда она проникла.

По свидѣніямъ, сообщеннымъ въ разное время генеральнымъ Консуломъ нашимъ въ Тавризѣ, холерная эпидемія въ Персіи первоначально появилась въ городѣ Урміи въ началѣ іюня прошлаго года, и отсюда распространилась по всей урмійской долинѣ, принявъ сперва направленіе къ югу отъ Урміи, по прибрежью урмійскаго озера; въ началѣ іюля она показалась въ Сулдузѣ, за тѣмъ въ Соухъ-Булагъ, отъ этого же мѣста, поворотивши на северъ, направилась по восточному берегу озера, и 16 іюля появилась близъ г. Маразі.

Въ послѣдствіи болѣзнь эта направилась и къ городамъ, лежащимъ на северѣ отъ Урміи. Въ половинѣ августа она появилась въ Ховъ и Алланъ-Барагушъ и въ началѣ осени достигла и некоторыхъ селеній, лежащихъ въ раетолинѣ болѣе или менѣе дальнемъ отъ Аракса.

Въ этихъ мѣстахъ въ началѣ она дѣйствовала весьма сильно, къ концу октября значительно уменьшилась и теперь нѣтъ никакихъ слуховъ о существованіи тамъ холеры; но эта болѣзнь проникла въ Тавризъ, гдѣ первые случаи заболѣванія ею замѣчены въ срединѣ октября; съ этого времени она стала усиливаться до начала ноября, въ концѣ же этого мѣсяца совершенно исчезла и распространилась отсюда по Персіи, и въ началѣ ноября появилась въ Ардебилѣ. О существованіи же холеры въ Гиланѣ или въ пограничныхъ съ нашими предѣлами мѣстахъ Турціи, нѣтъ еще никакихъ извѣстій.

Сила настоящей эпидеміи въ Персіи въ разныхъ мѣстахъ выказывалась въ разной степени. Въ городѣ Урміи, въ продолженіи 19 дней со дня появленія болѣзни, умерло отъ нея до 215 человекъ; во всемъ же урмійскомъ округѣ, по 21-е іюля до 3000 человекъ. Въ Тавризѣ сперва умирали въ день до ста, въ началѣ

же ноября число смертныхъ случаевъ простиралось до трехъ-сотъ.

Эта болѣзнь въ Персіи вообще долго держалась въ мѣстахъ своего появленія, распространялась медленно и, переходя изъ одного мѣста въ другое, не прекращалась въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она первоначально существовала, такъ что все окрестности Урмійскаго озера почти въ одно и то же время объята были эпидеміею. Иногда же обнаруживалась снова въ тѣхъ полосахъ, гдѣ она считалась прекращенною, какъ это замѣчено было въ салмазскомъ округѣ, гдѣ она исчезнула почти въ срединѣ октября, опять показалась въ сел. Дизе-Халиль гюнейскаго магала.

Появленію холерной эпидеміи въ Персіи предшествовали повальные лихорадки, сопровождавшіяся растройствомъ желудка; въ послѣдствіи показала тифъ, который держался и при существованіи холеры, и по прекращеніи послѣдней, онъ сталъ свирѣпствовать сильнѣе и распространился почти по всему Азербейджану.

По полученіи перваго извѣстія о появленіи въ Урміи холеры, еще въ началѣ іюля, по таможенно-карантиннымъ учрежденіямъ нахичеванской и александропольской дистанцій, сдѣланы были распоряженія о принятіи противъ нея всехъ мѣръ предосторожности, какъ бы противъ болѣзни заразной, и предписано не выпускать изъ карантиновъ въ наши предѣлы одержанныхъ не только холерою, но и сомнительными признаками этой болѣзни; однакожь съ начала осени стали показываться по долинь Аракса случаи заболѣванія холерою.

Первоначально эта болѣзнь появилась въ городѣ Нахичевани. Немедленно, по полученіи извѣстія о появленіи болѣзни въ Нахичевани, отправлены были туда Корпусный Штабъ-Докторъ Д. С. С. Поповъ и зимовники Ахвердовъ и Амировъ, для наблюденія за ходомъ болѣзни и соображеній о мѣрахъ, которыя могутъ быть приняты для удержанія отъ дальнѣйшаго распространенія. 20-го октября заболѣвъ въ Нахичевани рядовой линейнаго № 5-го баталіона; по прошествіи пяти дней заболѣли и другіе въ ротѣ того баталіона и въ военномъ госпиталѣ, и до 12-го ноября число всехъ заболѣвшихъ простиралось до 7-ми. Съ 20-го ноября стали заболѣвать холерою и туземные жители; вообще же съ 20-го октября по 2-е декабря, заболѣли въ Нахичевани этою болѣзнію человекъ 18, изъ коихъ 9 умерли, а 9 получили исцѣленіе. Съ 2-го же декабря не было въ этомъ городѣ новыхъ случаевъ заболѣванія.

За тѣмъ 10-го ноября, болѣзнь показалась въ эриванскомъ уездѣ, въ селеніи Садаракъ шарурскаго участка, лежащемъ по почтовой дорогѣ въ 78 верстахъ на северо-западъ отъ Нахичевани. Въ 20-ть дней заболѣло тамъ 97 человекъ, изъ нихъ выздоровѣло 40, а умерло 57. После 1-го декабря холера совершенно оставила это селеніе; и 27-го ноября она показала въ лежащемъ въ 100 саженьяхъ отъ почтовой дороги и въ 10-ти верстахъ на западъ отъ Садарака, зимовникъ Хаджи-Тамаръ, гдѣ живутъ въ 18-ти кибиткахъ Курды общества Буруки. У нихъ въ продолженіи 14 дней заболѣли 53, выздоровѣли 18, умерли 15. Съ 7-го же декабря не было между ними случая новаго заболѣванія. Но съ 5-го декабря, въ селеніи Давалу, лежащемъ на почтовой дорогѣ въ 8-ми верстахъ на западъ отъ помянутаго зимовника, жители стали заболѣвать холерою. Со дня появленія по 15-е декабря здѣсь заболѣли 22, выздоровѣли 10, умерли 9 къ 15-му декабря оставалось 5. Но съ тѣхъ поръ и здѣсь нѣтъ больныхъ холерою.

Такъ же и въ деревнѣ Муганлу шарурскаго участка, лежащей на Араксѣ, 30-го ноября заболѣли холерою 6 чел., изъ нихъ умерли 5. Болѣе же по настоящее время ничего не замѣчено въ этой деревнѣ. А въ городѣ Эривани только 18-го октября, одинъ изъ коренныхъ жителей заболѣлъ холерою и въ тотъ же день

умеръ. Съ тѣхъ поръ никакіе признаки холеры въ Эривани не оказывались.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и близъ Нахичевани замѣчено было нѣсколько случаевъ этой болѣзни; въ Ордубатѣ одинъ изъ коренныхъ жителей, заболѣвшій 23-го ноября холерою, умеръ на слѣдующій день.

По послѣднимъ доносеніямъ въ г. Эривани, Нахичевани и Ордубатѣ признаковъ теперь не обнаруживается. Въ шушинскомъ уездѣ, въ дер. Бегменлы паранданскаго участка, лежащей на Араксѣ, въ началѣ декабря умерли отъ холеры 4 человека. Такъ же получены свидѣнія, что эта болѣзнь появилась и въ Ленкоранскомъ уездѣ; въ дер. Геликеранъ ленкоранскаго участка, 11-го декабря двое умерли отъ холеры, а двое страдали сомнительными признаками этой болѣзни. О новыхъ заболѣваніяхъ нѣтъ доносеній.

Вообще же съ 20-го октября по 13-е декабря въ сопредѣльной съ Персіею части Закавказскаго Края заболѣли холерою 186, изъ нихъ выздоровѣли 81, а умерли 105.

Такимъ образомъ холера дѣйствовала у насъ пока на долинь Аракса и держалась въ шарурскомъ участкѣ, гдѣ поселила преимущественно только три деревни, въ которыхъ число заболѣвшихъ, относительно къ населенію, незначительно и почти половина пораженныхъ ею получили исцѣленіе. Она проявляется въ двухъ формахъ: одна паралитическая, другая ерегическаго свойства. Большая часть выздоровѣвшихъ одержима была послѣднею формою и при реакціи лихорадка у нихъ не принимала тифознаго характера, даже въ зимовникъ Курдовъ, которыхъ скудная жизнь и тѣсное помещеніе могли способствовать къ развитію тифоида. Жертвою же дѣлались болѣею частью пораженные паралитическою формою, но и этихъ болѣзнь рѣдко убивала въ одинъ сутки; хотя нѣкоторые умирали по прошествіи 6 или 8 часовъ по подачѣ перваго пособія, но изъ нихъ большая часть, если только не весь, до усиленія въ нихъ болѣзни, два или три дня страдали поносомъ, на который не было обращено болѣе никакаго вниманія.

Появленію этой эпидеміи въ предѣлахъ нашихъ не предшествовали, какъ въ Персіи, ни злокачественныя лихорадки, ни повальный тифъ. Напротивъ, жители аракскаго долины въ прошломъ году поражены были рѣдкою и нѣтъ смертныхъ случаевъ и вообще благопріятностию летняго воздуха, осенью же, равно и въ началѣ зимы, постоянно пользовались ясною и свѣжею погодою. Хотя лѣтомъ форма болѣзни нѣкоторыхъ лицъ заставляла нахичеванскихъ медиковъ подозрѣвать существованіе въ ихъ городѣ холерной конституціи; однакожь почти въ каждое лѣто мiasmатическія лихорадки, по долинь Аракса, легко принимаютъ холерическій характеръ и весьма часто сопровождаются растройствомъ желудка.

Во всехъ же мѣстахъ существованія холеры, заболѣвающимъ ею подано необходимое медицинское пособіе, и Начальствомъ приняты возможныя мѣры къ ограниченію и пресѣченію усиленія и распространенія эпидеміи.

Всѣ получаемыя доносенія отъ мѣстныхъ Начальниковъ свидѣтельствуютъ, что появившаяся холера въ разныхъ мѣстахъ Закавказскаго Края нынѣ совершенно исчезла.

Народныя пѣсни Арменіи.

(Статья Эд. Дюлорбс.)

I.

(Продолженіе.)

Для первыхъ временъ исторіи армянской мы имѣемъ безцѣнный документъ, — это трудъ сирійскаго писателя Мар-Иба-Катины, который жилъ въ половинѣ II вѣка до Р. X. и былъ коротко знакомъ съ ученіемъ халдейскимъ и греческимъ. Пятый изъ Парскихъ государей, пар-

ствовавшихъ въ Персіи, Арсаки (Аршагъ), иначе именуемый Митридатъ (Мирдатъ) I-й, отнявши у Селевкидовъ большую часть Востока, отдалъ Армению брату своему Валарсаку (Вагаршаду). Этотъ, желая знать какіе царя занима-ли до него тронъ, на который онъ былъ при-званъ, отправилъ Мар-Иба-Катину къ Арсаку, съ просьбою открыть этому мудрецу царскіе архивы, дабы онъ могъ извлечь изъ нихъ все, касающееся древней исторіи Арменіи. Архивы эти происходили изъ Нинивіи и между рукопи-сами, которыя вмѣщались въ нихъ, были, какъ кажется, историческія и народныя пѣсни, соб-ранныя ассарійскими монархами, подъ властію которыхъ была Армения, составляя удѣлъ обширной ихъ имперіи. Въ числѣ томовъ, про-смотрѣнныхъ Мар-Иба-Катиной, былъ пере-водъ съ халдейскаго языка на греческій (сдѣ-ланный по повелѣнію Александра Великаго), изъ котораго преимущественно почерпнулъ онъ содержаніе для своего сочиненія. Окончивъ трудъ свой, Мар-Иба-Катина воротился и пред-ставилъ его царю Валарсаку, который прика-завъ поместить его во дворцѣ и тщательно хра-нить, какъ драгоценность. Значительная часть этой компіляціи сохранена для насъ армян-скимъ писателемъ V вѣка по Р. Х., Моисеемъ Хоренскимъ, написавшимъ, самымъ изящнымъ сло-гомъ и съ замѣчательною ученостію, исто-рію своего отечества. Моисей Хоренскій не только черпалъ матеріалы для своей исторіи изъ Мар-Иба-Катины и множества историковъ сирійскихъ, персидскихъ и греческихъ, а меж-ду ними послѣдними были многіе, которые вы-дѣ потеряны, — но и опирался, во многихъ слу-чайхъ, на преданія и пѣсни народныя, жившія въ его время въ его отечествѣ. По этому книгу его почитается его соотечественниками, въ одно и то же время, образцовымъ литерату-рнымъ произведеніемъ и памятникомъ народнымъ, въ который вписаны древнѣйшіе слѣды ихъ бытія.

Хотя свидетельства, извлеченныя изъ архи-вовъ ассарійскихъ и собранныя въ рукописи халдейской, греческій переводъ которой най-денъ былъ Мар-Иба-Катиной, представляютъ некоторые слѣды обработки, сдѣланной или переводчикомъ или самимъ Мар-Иба-Катиной, въ духъ идей греческихъ, распространившихся на Востокъ вслѣдъ за завоеваніями Алекса-ндра, и библейскихъ сказаній, пущенныхъ въ ходъ Евреями, разбѣившимися по прибрежнымъ странамъ Тигра и Евфрата, — тѣмъ не менше не подлежитъ сомнѣнію, что компіляція сирійскаго писателя основана на сказаніяхъ, обильныхъ живыми подробностями, дышащими древно-стію и достовѣрностію.

По сказаніямъ этимъ, Гайкъ, одинъ изъ то-варищей Бега, царя ассарійскаго, былъ от-пущенъ Армянскаго народа и далъ ему свое имя. Нужно знать, въ самомъ дѣлѣ, что народъ армянскій не принялъ вовсе имени, которое на-вязали ему чужестранцы, и называетъ себя Гайкъ, а обитаемую имъ страну Гайсанданъ. Отправившись изъ Вавилона, Гайкъ пошелъ на сѣверъ и поселился у подошвы горы, — на югъ отъ Ахтарскаго моря или Ванскаго озера, въ мѣстѣ, гдѣ жили разбросанныя тамъ и сямъ нѣкоторыя изъ первобытныхъ семействъ, раз-бѣившихся по лицу земли. Онъ подчинилъ ихъ своей власти и началъ создавать для себя ма-ленькое царство. Это переселеніе Гайка, ка-жется, было движеніемъ народовъ семитическаго племени, стремившихся къ пораженію на-родовъ Іафетова колѣна, главнымъ достоинствомъ которыхъ были страны сѣверныя. Не одинъ этотъ примѣръ столкновенія двухъ этихъ пле-менъ на почвѣ Арменіи встрѣчаемъ мы въ исто-ріи. Она изъ знатнѣйшихъ семействъ этой страны, фамилія Багратидовъ, которой предна-значена была въ послѣдствіи (въ IX вѣкѣ) блестящая судьба возвестъ на престолѣ, на ко-торомъ оставалась она до половины XI вѣка, считала въ числѣ своихъ предковъ Шаппада, одного изъ евреевъ, приведенныхъ Навуходо-

носоромъ плѣнными въ Вавилонъ. Другая, не менше могущественная фамилія, Арируни, пред-писывавшая законы обширной провинціи Вас-бураганъ, происходила отъ Санвасара, одного изъ сымоветъ Синахериба, царя Ассарійскаго, которые, умертвивъ отца, скрылись въ Арме-нію.

Часть потомковъ Гайка осталась въ мѣстахъ, гдѣ остановился ихъ отецъ, а Арменагъ, внукъ и наследникъ его, продолжалъ шествіе на сѣве-ро-востокъ, поселился въ долину Аракса, на берегахъ котораго сынъ его построилъ городъ Армавиръ, сдѣлавшійся резиденціею царей ди-настіи Гайка. Если взять въ соображеніе, что первоначальныя поселенія ихъ соприкасались съ территоріею Нинивіи, то неудивительно, что Армения, въ этотъ отдаленный періодъ, почти постоянно была въ зависимости отъ Ассиріи и имѣла ту же или, по крайней мѣрѣ, сходную ре-лигію. Этотъ послѣдній фактъ, столь любопыт-ный, подтверждается одною изъ легендъ, каса-ющихся Семирамиды (Шамирамъ), которую со-хранилъ для насъ Моисей Хоренскій и кото-рая напоминаетъ ассарійскій мифъ, жившій до позднѣйшихъ временъ между Армянами. Пре-данія ихъ изображаютъ намъ эту славную ца-рицу съ характеромъ мужественнымъ и сладо-страстными наклонностями, которыя придаюгъ ей также Геродотъ и другіе греческіе истори-ки, но съ отблескомъ романтическимъ, который, по всему вѣроятію, есть отблескъ народныхъ пѣсней, въ которыхъ прославлялись ея великія дѣянія и победы. Армения сдѣлалась одною изъ областей ея имперіи и любимымъ мѣстомъ ея пребыванія. «Ее прелести, говоритъ Мо-исей Хоренскій, красота мѣстоположеній, чисто-та воздуха, прозрачность источниковъ, зрѣли-ще величественныхъ рѣкъ, катицъхъ волны «свои съ тихимъ журчаніемъ по долинамъ и «цвѣтущимъ равнинамъ». Она выстроила тамъ городъ для лѣтняго пребыванія своего, Шами-рама-гердъ, на восточномъ берегу озера Ванъ, и воздвигла въ немъ великолѣпныя зданія, со-перничествовавшія съ зданіями, которыми она украсила Вавилонъ. Армянскій писатель вы-валяетъ шоссе, которое соединяло рѣку съ го-родомъ и которое сдѣлано было изъ огромныхъ камней, такъ плотно связанныхъ другъ съ дру-гомъ, что можно было подумать, что это одна сплошная масса, — часовни, комнаты и корридоръ, пробитые въ скаль, столь твердой, «что стальъ, говоритъ онъ, не въ силахъ сдѣлать въ ней царапину», и наконецъ множество надписей, на-черпанныхъ на гладкой поверхности камня съ такимъ искусствомъ, съ какими можно только вырѣзать ножомъ на навощенной доскѣ. Исслѣ-дованія ученаго и несчастнаго Шульца, посѣ-тившаго эти мѣста въ 1827 и 1828 годахъ, подтверждаютъ вѣрность этого описанія и то-чность указанія современныхъ Армянъ, кото-рые Шамирамагердъ или городъ Семирамиды видятъ въ Ванѣ.

Начиная съ царствованія Семирамиды, монар-хи Арменіи, собственно говоря, были не болѣе не менше, какъ простые правители, зависѣ-шіе отъ монарховъ ассарійскихъ, и это состоя-ніе подчиненія продолжалось до дѣя, когда одинъ изъ нихъ, Баруиръ, сынъ Сгаіоропи (сынъ великана), присоединился къ лигѣ, со-ставленной Арбакомъ (Варбагъ), правителемъ Мидіи (котораго Моисей Хоренскій представ-ляетъ намъ хитрымъ политикомъ и храбрымъ воиномъ), Бемзиемъ вавилоняниномъ и мно-гими другими. Съ ними Баруиръ пошелъ про-тивъ Сарданапала. Со смертію этого царя, ас-сарійская монархія рухнула, и царь армянскій, по примѣру своихъ единоплеменниковъ, про-возгласилъ себя независимымъ и перелалъ свой освобожденный свитеръ своимъ наследникамъ. Одинъ изъ нихъ, Тигранъ (Дикранъ) I-й, про-славился побѣдами, сдѣлавшими имя его извѣст-нымъ за предѣлами имперіи и любимымъ бар-дами армянскими. Царь Мидійскій Астиагъ (Ажтагъ) возмущенъ къ нему завистью; но, не надѣясь покорить его и обладать его боемъ-

ствомъ открытою силою, онъ прибѣгъ къ хит-ростямъ. Испросивъ и получивъ отъ Дикра-нуги, сестры Тиграна, онъ началъ стараться заманить его къ себѣ. Тигранъ, предупреж-денный сестрою, избѣжалъ разставленныхъ ему сѣтей и, рѣшившись отомстить за вѣро-ломство, соединилъ силы свои съ силами Кира; вдвоемъ, напавъ на Астиага, они свергли его съ престола. Свидѣтельство Мар-Иба-Катины, на которое ссылается Моисей Хоренскій, согла-суется съ свидѣтельствомъ Ксенофонта о важ-ныхъ услугахъ, оказанныхъ царемъ Арменіи основателю Персидской монархіи; но сообща-етъ, что Астиагъ погибъ въ битвѣ отъ руки Тиграна, онъ отстучаетъ отъ сказанія, приня-таго Геродотомъ, самимъ Ксенофонтомъ, Кте-зіасомъ и Юстиномъ, и по которому Астиагъ пережилъ свое паденіе. Тигранъ вывелъ въ Армению плѣнными десять тысячъ Мидійъ и съ ними Анушму, первую жену Астиага, и на-значилъ въ мѣсто жительства страну отъ подошвы Великой горы (Арарата) на востокъ до береговъ Аракса. Потомство ихъ значите-льно возрасло и образовало въ послѣдствіи са-трапію Муратзіанъ, которая была уничтожена въ половинѣ II вѣка по Р. Х. Къ мидійскому народонаселенію Арарата относились нѣкото-рыя преданія и легенды, которыми не разъ вдохновлялись армянскіе поэты и нѣкоторыя слѣды которыхъ разбѣны въ книгѣ Моисей Хо-ренскаго. Послѣдующіе за Тиграномъ цари продолжали управлять своимъ царствомъ, подъ покровительствомъ Персій, до Вага, сына Вана; послѣдняго изъ династіи Гайка, который палъ, защищая свои владѣнія отъ вторженія войскъ Александра Македонскаго.

Начиная съ этой эпохи до востановленія на престолѣ Арсакидовъ, — около половины II вѣка до Р. Х., народныя исторіи не вписали въ льтописи ни одного факта, и, чтобы пополнить этотъ пробѣлъ, необходимо обратиться къ гре-ческимъ писателямъ. Отъ нихъ мы узнаемъ, что Селевкиды только по имени были обладате-лями Арменіи и что, подъ конецъ, Артаксесъ или Артаксесъ, одинъ изъ префектовъ, кото-рымъ ввѣрена была администрація, открыто возмущившись противъ Антіоха Великаго, сдѣ-лалъ совершенно независимымъ. Въ это время смуть и безначаліа, народная муза, какъ дол-жно полагать, умолкла, ибо Моисей Хоренскій, столь ревностный изыскатель всѣхъ древнихъ преданій своего отечества, не сохранилъ объ немъ ни малѣйшаго воспоминаія. Семьдесятъ лѣтъ спустя по смерти Александра, владычество грековъ въ Малой Азій началъ упадать; между-усобныя распри, производимыя честолюбіемъ ея полководцевъ, возбудили пораженныхъ народовъ къ попыткамъ опровергнуть его и возвратитъ независимость. Во главѣ этой реак-ціи стали Пардиды, народъ еще темный, но призванный къ важной роли на земномъ шарѣ. Народъ этотъ, происхожденія Скифскаго, при-шедшій съ восточныхъ береговъ Каспійскаго моря, гдѣ онъ жилъ подъ именемъ Даци, — рас-пространился уже въ восточныхъ провинціяхъ Персіи. Предводительствуемый Арбакомъ, му-жемъ рѣшительнымъ и умнымъ, онъ отнялъ у Селевкидовъ Партіену и Гирканию. Направно Селевкиды усиливались остановить потокъ ихъ оружія, — они были всюду побѣждаемы. Въ послѣдствіи, потомки Арсака овладѣли всею Персіею и отгнали Селевкидовъ къ Евфрату. Одинъ изъ нихъ, о которомъ говорено вы-ше, именуемый также Арбакомъ или Митри-датомъ I, спустя одинъ вѣкъ, восторжество-валъ снова, надъ царями Сиріи, распростра-нилъ ужасъ своего оружія по всей почти Азій и, пользуясь бывшими въ Арменіи безпорядка-ми, вошелъ въ нее во главѣ страшнаго арміи. Вспомоществуемый самими ея жителями, онъ вскорѣ сдѣлался полнымъ властителемъ и, какъ мы уже знаемъ, уступилъ права господства сво-ему брату Валарсаку, который сдѣлался та-кимъ образомъ родоначальникомъ младшей линіи Арсакидовъ, — линіи Арсакидовъ Армянскихъ.

Эта новая династія избрала своими метрополиями города Низибію и Эдессу, въ Месопотаміи, откуда она, какъ съ передоваго поста, могла охранять отъ нападений сирійскихъ грековъ весь владѣніи Парявъ, на востокъ отъ Евфрата. Въ царствованіи Тиграна II, правника Валарсака, войска римскія, увлеченныя страшною и продолжительною борьбою съ великимъ Митридатомъ, проникли въ Арменію, и Тигранъ, принявши сторону тестя своего, царя Понтійскаго, не могъ, не взирая на все свои успѣлы и храбрость, устоять противъ Лукулла и Помпея. Сынъ его Артабазъ (Ардавазъ), преданный измѣною въ руки Марка—Антонія, послѣ завоеванія имъ Арменіи, отправленъ былъ въ Александрію, гдѣ, по повелѣнію Клеопатры, умерщвленъ. Царица Египта и бывший триумфиръ поставили на мѣсто его сына своего Александра, который вскорѣ изгнанъ былъ народами, нежелающими повиноваться чужестранцу. Первые годы царствованія Тиграна были ознаменованы большими успѣхами: завоеваніе Сиріи и многихъ провинцій Малой Азіи, а равно Месопотаміи, Адиабены и Атропатены, доставило ему титулъ *царя-царей*, уступленный ему царями старшей линіи, которымъ онъ до того былъ присвоенъ. Менѣе способные, чѣмъ онъ, потомки его сдѣлались игрушкою политики римской и царей Персіи. Владѣнія ихъ постоянно были опустошаемы этими обѣими державами, и они были слишкомъ счастливы, когда, подъ покровительствомъ одной изъ нихъ, могли сохранить шаткіи троны. Связи родства и подчиненія, которыя соединяли Арсакидовъ Арменіи съ Арсакидами Персіи, должны были усилить и укрѣпить отношенія, существовавшія между ихъ подданными. Обожаніе огня, — зороастризмъ, господствовало у тѣхъ и другихъ, но съ примѣсью греческаго политеизма, которымъ оно сильно пропиталось послѣ того, какъ Селевкиды внесли на Востокъ цивилизацію греческую, отъ которой самые Паряне не мало позаимствовали. Перемѣны, сдѣланныя въ политическомъ устройствѣ государства Арсакидами армянскими, окружившими себя феодальными владѣльцами, почти неограниченными властелинами въ своихъ сатрапіяхъ, и создавшими для нихъ мѣста при дворѣ, — были, безъ всякаго сомнѣнія, подражаніемъ того, что сдѣлано было въ Персіи старшею линіею; такъ-что о существовавшихъ въ то время учрежденіяхъ въ этой послѣдней странѣ, можно судить по учрежденіямъ, бывшимъ въ эту эпоху въ Арменіи, описаніе которыхъ мы находимъ у Моисея Хоренскаго.

Въ началѣ III столѣтія, царь Персидскій Артабанъ (Ардаванъ) низвергнутъ былъ съ престола Ардеширомъ (Артаксесъ — византійскихъ историковъ), который началъ новую династію — Сассанидовъ и провозгласилъ себя наследникомъ престола Ахеменидовъ и восстановителемъ народной власти, похищенной Парянами, на которыхъ смотрѣли, какъ на чужестранцевъ. Онъ старался восстановить ученіе Зороастра въ первобытной его чистотѣ и искоренить идеи греческія, преобладавшія во времена Арсакидовъ. Новая династія естественно была враждебною царствовавшей надъ Арменіею, связанной кровью съ низверженными царями. Возгорѣлась борьба, въ которой Арменія пала и снова пала на себя знакомое ярмо. Тѣснимая съ двухъ сторонъ двумя могущественными державами, Византіей и Персіей, которыя въ 387 г. раздробили и раздѣлили ее между собою, она сохраняла еще своихъ монарховъ до 428 г., когда Артаксесъ IV низложенъ былъ царемъ Персидскимъ, Баграмомъ V, и заключенъ въ крѣпость въ Сузаны, предназначенную для содержанія политическихъ невольниковъ и носившую многозначительное имя *Замка Заб-*

веніи (Анушь-перть). Съ тѣхъ поръ Арменія управлялась простыми правителями.

Когда христіанство, вмѣстѣ съ Константиномъ, возсѣло на престолѣ цезарей и столица имперіи перенесена была въ Византію, Арменія тотчасъ приняла законъ новой религіи. Одно дитя изъ царскаго дома Арсакидовъ, спасенное отъ истребленія, которому подверглась вся его фамилія, было увезено нянькою въ Цезарею каппадокійскую и тамъ воспитано въ вѣрѣ христіанской. Это дитя, отмыченное Творцемъ на чистѣ печатію святости и генія и сохраненное для того, чтобы быть апостоломъ Арменіи, получило при крещеніи имя — Крискоріосъ (Григорій), къ которому въ послѣдствіи присоединилось *лузаворичъ*, т. е. просвѣтитель, ибо, слѣдуя гимну, воспѣваемому въ день его праздника, «онъ сіялъ, подобно солнцу, разливая «лучи божественнаго свѣта на отчизну свою, по- «крытую тьмою идолопоклонства». Великіе подвиги, совершенные Григоріемъ въ теченіе его проповѣди, обращеніе царя Тирidata по слову его, его добродѣтели, его долгія страданія, его мученичество и въ особенности благотѣльное вліяніе, которое онъ имѣлъ на просвѣщеніе своего отечества, — сдѣлали изъ него для Армянъ совершенно народнаго Святаго. Явленіе его было не только знакомъ правдивнаго возрожденія, но даже совершеннаго духовнаго обновленія. Христіанство создало ихъ литературу и, призывая къ изученію греческаго языка, на которомъ говорили первые проповѣдники вѣры, познакомило ихъ съ образцовыми произведеніями этого языка и научило подражать имъ. Въ самомъ дѣлѣ, духъ греческій или западный, — духъ христіанскій, оживляетъ всю эту литературу, и онъ-то сообщил ей эти научныя формы, этотъ цѣломудренный воздержанный типъ, которыми отличается она отъ всѣхъ литературъ западной Азіи, этотъ строгій, положительный характеръ, который увлекъ ее по преимуществу къ историческому роду, въ которомъ она такъ богата.

Среди переворотовъ, потрясавшихъ Арменію до возрожденія ея, совершеннаго христіанствомъ, поэзія народная, исчезнувшая вмѣстѣ съ династіею Гайка, оживила при двухъ царяхъ Арсакидовъ, Артаксесъ II и сынъ его Артабазъ, и, блеснувъ довольно живо, хотя слишкомъ мимолетно, угасла навсегда. Царствованіе Артаксеса, которое было не безъ славы, равно какъ странная судьба и трагическій конецъ Артабазы, объясняютъ достаточно это минутное воскрешеніе армянской музы, а различныя событія, случившіяся въ мѣстахъ, гдѣ раздавался ея голосъ, позволяютъ опредѣлить причины, положившія конецъ ея твореніямъ. Со времени войны Митридата, войска римскія не разъ попирали почву Арменіи; жители ея не переставали быть въ соприкосновеніи съ міромъ Западнымъ, — и познаніе языка греческаго и догматовъ христіанства стало уже проявляться между ними. Это новое теченіе идей, безъ сомнѣнія, должно было остановить теченіе, имѣвшее источникъ своимъ вдохновеніе Восточнаго генія, и погасить энтузіазмъ народныхъ бардовъ. Они перестали пѣть, какъ скоро христіанство изгнало древнія и, въ сущности, языческія преданія, которыми питались ихъ песни. Но любовь народа къ преданіямъ отцевъ не изгладилась тотчасъ послѣ проповѣди святаго Григорія Просвѣтителя. Она была еще во всей своей силѣ два вѣка спустя, въ I-мъ столѣтіи по Р. Х., не только между низшими классами общества, но и въ самыхъ высшихъ кругахъ. Моисей Хоренскій часто упрекаетъ царя Исаака, изъ благородной фамиліи Багратидовъ, для котораго онъ написалъ свою книгу, — въ его излишней любви къ Восточнымъ легендамъ, которыя онъ чествитъ названіемъ безсмысленныхъ сказокъ, и вы-

хваляетъ басни греческія, «столь прекрасныя, говоритъ онъ, столь полныя чувства и мысли, скрывающія истину подъ покровомъ вымысла!» Эти слова ни мало не удивительны въ устахъ этого историка, вышедшаго изъ рядовъ той армянской молодежи, которая съ христіанствомъ сильно прильнула къ литературѣ греческой, стекалась толпами въ Константинополь, Александрію, Аѳины и Римъ и толпилась у каедръ, съ которыхъ знаменитые учителя преподавали философію и словесность. Но для части народа, оставшагося внѣ этого научнаго движенія, Восточныя легенды нисколько не потеряли своей прелесть. Моисей увѣряетъ, что народныя баллады были еще въ чести между его современниками и что онъ самъ не разъ слышалъ пѣніе ихъ. Жители Когтена, области, лежащей на востокъ Арменіи, не переставали повторять ихъ и сохраняли съ любовію, какъ наследственное достояніе. Эта область, граничившая съ Мидіею и Персіею, сдѣлалась въ самомъ дѣлѣ послѣднимъ убежищемъ язычества, изгнаннаго отовсюду. Моисей, говоря о святѣмъ Месробѣ, изобрѣтателѣ армянскихъ письменъ и поселившемся въ странѣ Когтенъ, разсказываетъ, что секта язычниковъ, имѣвшая тамъ убежище и скрывавшаяся въ теченіе царствованія Тирidata II (239—344), во время упадка власти Арсакидовъ снова появилась и что святый Месробъ искоренилъ ее съ помощію Шафта, начальника этой области. Поэтическій отрывокъ, сохранившійся въ упомянутомъ преданіи до первой половины XI-го столѣтія и переданный намъ писателемъ этого вѣка, княземъ Григоріемъ Макидросомъ (Makisdros) (5), — есть послѣднее, поощаженное временемъ произведеніе пѣвцовъ древней Арменіи. Изъ всего вышеназложеннаго видно, какъ существованіе народной поэзіи Армянъ связано было съ судьбами гражданскаго и политическаго бытія ихъ государства; постараемся теперь представить ей оцѣнку съ эстетической точки зрѣнія.

(Продолженіе будетъ.)

(*) Слово Makisdros есть греческое и означаетъ знаніе — *magistros* или *magister militiae*, т. е. военачальникъ. Князь Григорій, столько же славный своими военными талантами, сколько и своею ученостію, былъ украшенъ этимъ званіемъ отъ Византійскаго Императорскаго Двора.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

По случаю ошибокъ вкрапившихся въ Генеалогію грузинскихъ царей, приложенную къ Кавказскому Календарю на 1855 годъ, редакція Календаря симъ извѣщаетъ, что генеалогія эта исправлена и вновь перепечатана. Желающіе имѣть ее, могутъ получить *бесплатно* въ Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго.

При Тифлисской Таможнѣ, 22-го числа сего Генваря мѣсяца, въ 12-те часовъ утра, будетъ продаваться съ аукціона заграничный конфискованный ромъ, весомъ 31 пуд. 20 фунтовъ.

ПРИБЫЛИ: Генваря 14-го: изъ С. Петербурга Полковникъ *Юрковичъ*. 15-го: изъ Душета Надворный Советникъ *Голвачевъ*, изъ укр. Петровскаго Коллежскій Ассесоръ *Канановъ*, изъ уроч. Халь-Кенды Коллежскій Ассесоръ *Владиміровъ*. 16-го: изъ Владыкавказы Подпоручикъ *Каменскій*.

ВЫЪХАЛИ: Генваря 14-го: въ Шемаху Коллежскій Ассесоръ *Толстой*. 15-го: въ Закаталы Подполковникъ *Зарембскій*. 16-го: въ Душетъ, Полковникъ Князь *Тарханъ-Моуравовъ*.

По недостатку мѣста, *Метеорологическія* наблюденія прилагаются къ этому № отдѣльно напечатанныя.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.